

Сильное государство: к построению теоретической модели

Белов Л. П.

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация,

²ООО «Гелиос», Санкт-Петербург, Российская Федерация;
leomonolit@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Автор статьи, опираясь на методы дискурс-анализа и сравнительного подхода, представляет авторскую трактовку атрибутов сильного государства в его современной интерпретации. В статье выявляется взаимосвязь конкретных определений сильного государства с исходными методологическими и мировоззренческими позициями исследователей. Автор приходит к выводу о том, что в трактовках сильного государства часто начинают преобладать не столько научно-критериальные признаки, сколько эτικο-психологические характеристики желательной, по мнению авторов, модели сильного государства, причем часто в метафорической форме. Отсюда вытекает необходимость объективизации признаков и свойств предполагаемого сильного государства XXI века.

Ключевые слова: сильное государство, признаки сильного государства, эволюция современного государства, материальные и идейно-теоретические предпосылки, внешние и внутренние вызовы, концепция сильного государства и эффективность публичного управления

A Power State: To Build a Theoretical Model

Leonid P. Belov

^aRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPА), Saint-Petersburg, Russian Federation

^bLLC "Gelios", Saint-Petersburg, Russian Federation
leomonolit@yandex.ru

ABSTRACT

The author, based on the methods of discourse analysis and comparative approach, presents the author's interpretation of the attributes of a power state in its modern interpretation. The article reveals the relationship of specific definitions of a power state with the original methodological and ideological positions of researchers. The author comes to the conclusion that the interpretations of a power state often begin to dominate not so much scientific criteria, as ethical and psychological characteristics of the desirable model of a power state, often in a metaphorical form. Hence the need to objectify the signs and properties of the supposedly power state of the 21st century.

Keywords: A power state, signs of a power state, the evolution of a modern state, the material and ideological and theoretical background, external and internal challenges, the concept of a power state and the effectiveness of public administration

---

Тема усиления государственных начал в развитии современных национальных государств является одной из актуальных в отечественном политико-административном дискурсе. Одной из существенных проблем, активно обсуждаемых в отечественном исследовательском пространстве, является идея и концепт сильного государства [2; 8; 9; 12; 16]. Дальнейшая концептуализация сильного государства связана, в числе прочего, с необходимостью уточнения атрибутивных признаков сильного государства, что и является основной целью настоящей статьи.

Опыт развития мирового политического процесса и его аналитическая интерпретация свидетельствуют об усилении роли и ответственности современных государств по всему миру. В новейшей исследовательской литературе сформировалось устойчивое мнение о кризисе либеральных взглядов на роль и место государства в общественном процессе. Показательна в этом плане эволюция позиции одного из наиболее известных теоретиков современного либерализма Ф. Фукуямы. В своих новейших работах он довольно неожиданно выступил апологетом усиления роли современного государства. Он мотивирует свой новый взгляд на государство необходимостью повышения эффективности государственного управления и укрепления мирового порядка. Способность усиливать или создавать новые возможности государства и государственных институтов стала главным вопросом не только глобальной повестки дня, она выступает основой разработки стратегий устойчивого и стабильного развития национальных государств [18, с. 5].

Актуализация проблематики сильного государства в отечественном исследовательском пространстве имеет своим результатом очевидный концептуальный плюрализм [13]. Практически в любой из современных публикаций по проблематике сильного государства, так или иначе, содержится интерпретация его признаков. Вместе с тем, обозначилось очевидное разнообразие исследовательских подходов к пониманию самой идеи концепции сильного государства. Это послужило основанием для некоторой систематизации существующих исследовательских позиций по проблематике сильного государства, довольно удачно, на наш взгляд, обобщенной И. Понкиным.

Авторская характеристика этих исследовательских подходов включает в себя следующие вариации:

- подход, согласно которому под сильным государством понимается государство, обладающее таким потенциалом и количеством ресурсов, которое позволяет ему получить наибольший вес на международной арене и возможности давления на другие государства;
- подход, согласно которому под сильным государством понимается государство, сила которого заключается, в первую очередь, в способности подавлять сопротивление населения действиями властей (как правило, государство, в котором реализован антидемократический политический режим);
- подход, согласно которому под сильным государством понимается государство, в существенной степени контролирующее общество;
- подход, согласно которому под сильным государством понимается государство с сильной процветающей и устойчивой экономикой;
- подход, согласно которому под сильным государством понимается демократическое государство с устойчивым гражданским обществом и сильной экономикой, все основные принципы которого надлежащим образом соблюдаются и обеспечиваются [15, с. 55–56].

Полагаем этот вариант систематизации исследовательских подходов в целом удачным и полезным для продолжения процесса концептуализации сильного государства. Но в то же время считаем важным включить в этот ряд еще один подход, в соответствии с которым сильное государство предстает как идеальная модель современного эффективного государства [17].

Анализ публикаций современных отечественных авторов по проблеме сильного государства выявляет также тенденцию к доминированию системного подхода к пониманию сильного государства. Согласно ему, сила государства не может заключаться в обеспечении какого-либо одного аспекта, поскольку это не способствует устойчивости силы такого государства, и сильное государство для удержания такого своего положения должно постоянно реализовывать целый комплекс разносторонних мер [15].

При этом, однако, необходимо отметить важную, на наш взгляд, специфику отечественного официального публичного дискурса: речь идет о позициях действующих политических лидеров и официальных представителей публичной власти, во многом детерминирующей проблематику сильного государства [7]. В первую очередь, это обусловлено причинами международного и глобального характера и необходимостью адекватной реакции на них. Но не меньшее значение приобретает также необходимость усиления властного и управленческого потенциала в связи с внутривластными вызовами и противоречиями реального процесса политико-административного управления.

Что касается другого важного вопроса — признаков сильного государства, то современное исследовательское пространство содержит обширную и пеструю картину реальных и, что чаще всего, предполагаемых признаков сильного государства. Фактически любая публикация отечественных авторов содержит с различной степенью детализации описание признаков сильного государства. На общем фоне заметно выделяются работы А. Керимова, И. Куксина и И. Понкина, представивших, на наш взгляд, наиболее систематизированный набор общих характеристик сильного государства, позволяющих использовать его в качестве исходной основы в настоящей работе.

Выявленные А. Керимовым и И. Куксиным атрибуты предполагаемого сильного государства содержат следующие положения:

- обладание государством значительным властным потенциалом;
- наличие у государства полноты экономической власти;
- реальное наличие у государства фактической монополии на использование силы;
- достаточная обширность сферы влияния государственно-властных структур;
- способность организовывать, привлекать, мобилизовывать все население;
- обладание государством властью над умами и в определенной степени властью духовной;
- наличие у государства государственной идеологии;
- наличие у власти национально-ориентированной и национально-ответственной элиты [5; 6].

В свою очередь развивая этот подход, И. Понкин одновременно расширил перечень признаков сильного государства, включив в них такие, как мощь людских ресурсов государства, поддержка власти населением, наличие признаваемого и принимаемого населением и культивируемого цивилизационного кода своей страны, должный потенциал системы государственного управления надлежащих силы, эффективности и качества, дипломатический потенциал государства надлежащей силы и военный потенциал [15].

В совокупности всех этих признаков возникает устойчивое представление о сильном государстве, как основанном в первую очередь на силовых элементах, обеспечивающих безусловное доминирование государства в социальном пространстве страны и фактически контролирующем все стороны жизнедеятельности населения — духовную сферу, экономику, «цивилизационный код страны», идеологию. Вместе с тем, остается не совсем понятной корреляция сильного государства с демократией: в разделе статьи В. Понкина, например, посвященном зависимости силы государства от существующего политического режима после подзаголовка «Государство с недемократическим политическим режимом — сильное государство?» стоит знак вопроса... Хотя, на наш взгляд, именно постановка вопроса о зависимости силы государства от существующего политического режима составляет одно из основных достоинств данной статьи. В равной степени, это можно сказать и относительно итогового посыла автора. Трудно не согласиться с автором, когда он в завершение этой части своей статьи указывает, ссылаясь на Георга Соренсена, что хрупкое демократическое государство с правящей элитой

не может быть сильным, что оно может быть создано лишь постепенно, с расширением прав и свобод населения, созданием более прочной основы для демократии посредством укрепления гражданского общества [22, с. 31].

Существует, однако, еще одно важное обстоятельство, которое мы должны принять во внимание при всяких попытках выстроить систему признаков сильного государства. Метафорический характер понятия «сильное государство» постоянно мотивирует исследователя этого феномена описывать его свойства и границы в общественном пространстве или за счет расширения, дробления и дополнения «дескриптивных» его свойств, или обеспечить консенсусное понимание его базового варианта. Однако уже на существующем этапе концептуализации сильного государства становится очевидным, что дальнейший его анализ в парадигме дескриптивного подхода уже исчерпывает себя и становится в когнитивном отношении малопродуктивным. Более эффективным представляется иной подход, когда необходимо выделить в уже разработанных признаках сильного государства те из них, которые дают возможность объективизировать этот феномен.

Очевидно, что один из этих признаков обозначается словом «сила», и уже имеется ряд исследований, раскрывающих понятийный и структурный смысл силы государства. Вопрос о том, что составляет силу государств, при внимательном рассмотрении оказывается вовсе уж не таким очевидным. Известные исследователи сильного государства А. Керимов и И. Куксин, посвятившие этому вопросу специальную статью — «Критерии силы государства», ограничились тем, что представили аргументированный перечень признаков сильного государства [6]. Многие авторы, помимо описания общих условий построения сильного государства и тех же признаков, в лучшем случае выделяют наиболее очевидный для них критерий силы государства: или активную личность, или нравственное могущество, или государственную идеологию, эффективное правосудие и т. д. [3; 4]. Вместе с тем, можно отметить также пока еще редкие публикации, авторы которых делают попытки измерения силы государства по конкретным показателям, включая индекс государственности [13]. Очевидно, что с теоретической точки зрения важно учитывать критериальные основания силы государства. В связи с этим, например, могут возникать парадоксальные оценочные ситуации. Так, в литературе приводится следующий пример относительно методологических разногласий по критериям силы государства. Те, кто следует веберианской традиции, видят силу государства в рациональности, беспристрастности и эффективности бюрократии. Неомарксисты, напротив, считают критерием силы государства мощный капиталистический класс. В результате для веберианцев Пруссия XIX в. представляет собой более сильное государство, чем США в то же время, а для марксистов — наоборот [11, с. 268].

Авторы сборника статей зарубежных авторов 2011 г., посвященных проблемам слабости/силы государств в эпоху глобализации, выделяют три основные сферы, в которых проявляется эта дихотомия [20]. Во-первых, это дееспособность, т. е. способность государства проникать в общество, регулировать общественные отношения, извлекать ресурсы и использовать их по своему усмотрению. Во-вторых, подход фокусирует внимание на способности государства «поставлять», т. е. обеспечивать безопасность, механизмы урегулирования споров, основные свободы, образование и медицинское обслуживание. В-третьих, подход подчеркивает значение легитимности как ключевой переменной в определении силы или слабости государства [11, с. 268]. Для нашего представления о показателях силы государства здесь важна попытка представить два измерения легитимности: горизонтальное, т. е. связанное с определением границ сообщества и членства в нем, и вертикальное, т. е. определяющее право на власть внутри сообщества, характер связи общества с политическими институтами и политическим режимом. Естественно, что все эти три составляющие силы государства следует понимать как взаимосвязанные между собой.

Принципиально важный момент в характеристике силы государства отмечает в своей работе И. Аубакирова, опираясь на теоретические разработки профессора Университета Калифорнии Майкла Манна [19]. Американский ученый различает два подхода к силе государственной власти: инфраструктурное и деспотическое. Инфраструктурная сила подразумевает институциональный потенциал государства по реализации своих функций посредством своей инфраструктуры, в то время как деспотическая власть рассматривается ученым как власть политической элиты при отсутствии взаимодействия с группами гражданского общества. Сила государства эпохи модерна является «инфраструктурной», когда государство воздействовало на все сферы жизнедеятельности с помощью всех имеющихся у него механизмов управления [1, с. 6].

В настоящее же время сила государства базируется на возможности установления постоянной связи с гражданским обществом и способностью последнего оказывать все большее влияние на деятельность государства [1, с. 6]. На этом фоне можно выделить два источника возрастания силы государства. Один из них заключается в нарастающей способности современного государства контролировать экономику, т.е. налоги и собственность, а второй источник силы современного государства базируется на контролирующем потенциале гражданского общества. В конечном счете, по Манну, речь идет о двух основных видах современного государства: авторитарном (в случае его опоры на первый источник силы) или демократическом, т.е. подконтрольным гражданскому обществу [1, с. 6]. Эти рассуждения ценны для нас тем, что позволяют должным образом увязать концептуализацию сильного государства с реальным политическим процессом конкретного государства и его управленческим потенциалом.

При всех возможных разночтениях мировоззренческого и идеологического планов появляется возможность сравнительной характеристики силы различных государств, это во-первых, во-вторых, на сегодня не существует, по крайней мере, не известна ни одна научная публикация, рассматривающая сильное государство как новый тип государственно-организованного общества. Наоборот, сложилось практически единомышленное мнение исследователей о том, что не может быть в данном случае речи о новом типе государства. Таким образом, речь идет о качественной характеристике государства в каждой отдельной исторической ситуации. Иначе говоря, любое государство может быть названо сильным в ретроспективе или в будущем. Во всяком случае, ощущается необходимость сопряжения концепта сильного государства с общей теорией государства, особенно в условиях современного глобального развития. Скорее всего, тут могут существовать различные подходы¹.

Как уже отмечалось ранее, один из сравнительно распространенных подходов к пониманию концепции сильного государства предполагает, что под таковым необходимо понимать государство, широко использующее методы принуждения в отношении своих граждан.

Возможно, благодаря тому, что, как отмечает Джонатан Саймон, исторически складывалось так, что именно насилие, принуждение играло комплексную роль в строительстве государства, в том числе, в качестве инструмента реализации государственной власти. С точки зрения такого подхода, сильное государство реализует весьма гибкую стратегию использования насилия и принуждения для легитимации государственной власти [21, с. 655].

По мнению данного исследователя, сильное государство может пониматься как такое государство, которое использует страх перед преступностью и выразитель-

---

¹ Например, в недавно опубликованной работе В. Я. Любашица и Н. В. Разуваева «Эволюция государства: историческая динамика и теоретическая модель» не нашлось места для анализа самой идеи сильного государства. См.: [10].

ную политику обеспечения правопорядка для укрепления своей позиции среди уязвимых слоев рабочего класса и среднего класса [21, с. 655].

Однако, судя по содержанию текущей дискуссии по проблематике сильного государства, такой подход утрачивает свою популярность. Под влиянием опыта мирового социально-экономического и технологического развития в современной науке все отчетливее проявляется новый взгляд на силу государства XXI века. Взгляд на государство как на преимущественно силовой институт во многом устарел. Так, например, известный немецкий политолог Дирк Берг-Шлоссер полагает, что военная функция сохраняет значение, но уже не является главным механизмом, ведущим к образованию и развитию государств¹.

По мнению Сьюзан Райс и Патрика Стюарта, также нельзя ставить знак равенства между сильным государством и авторитарным или полуавторитарным политическим режимом, сила государства зависит скорее от его эффективности, оперативности и легитимности во всех сферах его деятельности².

При этом нельзя однозначно говорить о существовании прямой и непосредственной зависимости между демократией и силой государства.

Георг Соренсен указывает, что хрупкое демократическое государство с правящей элитой не может быть сильным, соответственно, резкий переход от авторитарного режима к формально демократическому не создаст необходимой основы для формирования действия сильного государства, оно может быть создано лишь постепенно, с расширением прав и свобод населения, созданием более прочной основы для демократии посредством укрепления гражданского общества [22, с. 31].

Если попытаться обобщить наиболее существенные признаки сильного государства, выявленные современными отечественными исследователями, то, на наш взгляд, они могут быть сгруппированы в следующем виде:

- 1) группа идейно-ментальных признаков, предполагающая наличие нравственного могущества государства, государственную идеологию, цивилизационный код развития своей страны;
- 2) группа материальных признаков силы государства, т. е., человеческий потенциал государства, его финансово-экономический базис — территория, природные ресурсы, устойчивая национальная финансовая система;
- 3) группа признаков, включающая в себя силу собственно государства как органической надстройки (организации), выражаемая в его полноценном суверенитете, должной устойчивости государственного порядка, в его стабильности и способности эффективно противостоять всем внешним и внутренним вызовам;
- 4) группа, включающая в себя эффективный потенциал системы публичного управления;
- 5) группа социально-политических признаков — сильный социальный порядок, легитимная власть, контроль власти со стороны общества, развитие гражданского общества, эффективная политическая коммуникация, независимые СМИ, наличие у власти национально-ориентированной и ответственной элиты;
- 6) группа политико-правовых признаков — национальный суверенитет страны, независимое и справедливое судопроизводство, демократический порядок ротации власти, политическая ответственность власти;
- 7) группа, включающая в себя военную мощь страны надлежащей силы и эффективный дипломатический потенциал государства.

¹ См.: Государство без войны [Электронный ресурс]. URL: http://expert.ru/expert/2008/45/gosudarstvo_bez_voiny/ (дата обращения: 21.01.2019).

² Rice S. E., Patrick S. Index of State Weakness in the Developing World. Washington, DC: The Brookings Institution, 2008. P. 3 [Электронный ресурс]. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/02_weak_states_index.pdf (дата обращения: 21.01.2019).

Разумеется, данная система признаков сильного государства весьма мобильна и может видоизменяться, но в основе своей, полагаем, она может рассматриваться как определенная ступень в продолжающемся процессе концептуализации сильного государства.

Выводы. Любой исследователь, предметом усилий которого выступает сильное государство, ориентируется на определенное представление о сущности данного политико-правового феномена. В случае с сильным государством мы имеем дело с довольно широким разбросом мнений на этот счет, что само по себе требует, на наш взгляд, некоторых предварительных замечаний.

Во-первых, дискурс-анализ имеющегося массива аналитической литературы показывает взаимосвязь конкретных определений сильного государства и исходных методологических, мировоззренческих и иных позиций авторов. Это является вполне понятным и нормальным явлением в современном состоянии социально-политического знания. Во-вторых, весьма часто в трактовках сильного государства начинает преобладать не столько научно-критериальные атрибуты, сколько этико-психологические характеристики желательного, по мнению авторов, направления, причем часто в метафорической форме.

И третье, возможно, наиболее важное замечание. Очевидна прямая зависимость активизации внимания к сильному государству от обострения политической и социально-экономической ситуации в стране и в мире.

В этих условиях анализ подобного концептуального многоголосия востребует неких логических и идейно-политических ориентиров для получения более или менее адекватного представления, как о сущности сильного государства, так и о его месте и роли в эволюции современного государства.

Таковыми ориентирами или своего рода вешками в нашем случае можно определить, во-первых, трактовку силы государства, в чем проявляется сила государства. Во-вторых, представляется важным учет характера конкретного государства, его социально-экономического и политико-правового порядка. В-третьих, влияние на силу государства характера взаимодействия государственных институтов и общества. В-четвертых, фактор целеполагания — во имя чего, во имя какой цели востребовано сильное государство. Представляется, что при всей условности этих ориентиров мы можем получить возможность структурировать некоторым образом когнитивное многоголосие вокруг сильного государства и точнее представить условия дальнейшей его концептуализации.

Литература

1. *Аубакирова И. У.* Концепция сильного государства в дискурсе об управлении в государственно-организованном обществе // Юридическая мысль. 2014. № 5(85). С. 5–13.
2. *Белевская Ю. Ю., Ефимов Ю. Г., Чагилов В. Р., Дегоев В. В.* Сильное государство: индексная оценка // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2016. № 4. С. 135–144.
3. *Бернацкий Г. Г.* Сильное государство невозможно без идеологии // Ученые записки юридического факультета. 2013. № 31 (41). С. 9а–13.
4. *Затонский В. А.* Сильное государство и активная личность: теоретико-правовой аспект. Саратов, 2005.
5. *Керимов А. Д., Куксин И. Н.* Сильное государство как определяющий фактор общественного прогресса. М. : Норма : ИНФРА-М, 2018. С. 73–93.
6. *Керимов А. Д., Куксин И. Н.* Критерии силы государства // Право и образование. 2016. № 6. С. 4–16.
7. *Колесников В. Н.* Актуальная повестка дня в современной России: факторы формирования // Управленческое консультирование. 2017. № 9. С. 8–17.
8. *Короткова О. И.* Сильная власть как предопределяющий фактор на пути становления российского правового государства // Российский судья. 2009. № 6. С. 28–30.

9. Леванчук В. А. Оценка беспристрастности, равенства и ориентации на общее благо в различных методах измерения качества делиберации // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2016. № 1. С. 51–69.
10. Любашин В. Я., Разуваев Н. В. Эволюция государства: историческая динамика и теоретическая модель : монография. М. : РИОР : ИНФРА-М, 2018.
11. Миллер А. И. Устойчивые факторы слабости государства в эпоху глобализации (реферат) // Политическая наука. 2011. № 2. С. 268.
12. Нравственное государство. От теории к проекту / Сулакшин С. С., Багдасарян В. Э., Вилисов М. В., Нетесова М. С. и др. / под общ. ред. С. С. Сулакшина. М. : Наука и политика, 2015.
13. Петров К. Е. Доминирование концептуальной многозначности: сильное государство в российском политическом дискурсе // Полис. Политические исследования. 2006. № 3. С. 159–183.
14. Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. М. : МГИМО–Университет, 2007.
15. Понкин И. В. Сильное государство // Право и государство. 2018. № 1–2 (78–79). С. 55–56.
16. Попова О. В. Новые направления использования сложных методов в анализе политических процессов // Политическая наука. 2015. № 2. С. 62–79.
17. Ремингтон Т. Ф. Россия и идеал «сильного государства» // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2000. № 2. С. 58–61.
18. Фукуяма Ф. Сильное государство: управление и мировой порядок в XXI в. М. : АСТ ХРАНИТЕЛЬ, 2007.
19. Mann M. The Sources of Social Power: The Rise of Classes and Nation-States, 1760–1914. UK, Cambridge University Press, 1993. Vol. II. P. 59–61.
20. Persistent state weakness in the global age / D. Kostovicova, V. Vojcic-Dzelilovic (eds.). Farnham: Ashgate, 2009. Излагается по переводу А. Миллера. Миллер А. И. Указ. соч. С. 268.
21. Simon J. Law's Violence, the Strong State, and the Crisis of Mass Imprisonment (for Stuart Hall) // Wake Forest Law Review. 2014. Vol. 49. P. 649–676.
22. Sorensen G. Democracy, authoritarianism and state strength // The European Journal of Development Research. 1993. Vol. 5. P. 6–34.

Об авторе:

Белов Леонид Павлович, генеральный директор ООО «Гелиос», аспирант Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); leomonolit@yandex.ru

References

1. Aubakirova I. U. The concept of the strong state in a discourse about management in state and organized society // Juridical Thought [Yuridicheskaya mysl']. 2014. N 5(85). P. 5–13. (In rus)
2. Belevskaya Yu. Yu., Yefimov Yu. G., Chagilov V. R., Degoyev V. V. Strong state: index assessment // Messenger of Pyatigorsk State Linguistic University [Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta]. 2016. N 4. P. 135–144. (In rus)
3. Bernatsky G. G. The strong state is impossible without ideology // Scientific notes of law faculty [Uchenye zapiski yuridicheskogo fakul'teta]. 2013. N 31 (41). P. 9a–13. (In rus)
4. Zatonsky V. A. Strong state and active personality: theoretical and legal aspect. Saratov, 2005. (In rus)
5. Kerimov A. D., Kuksin I. N. The strong state as the defining social progress factor. M. : Norma : INFRA-M, 2018. P. 73–93. (In rus)
6. Kerimov A. D., Kuksin I. N. Criteria of force of the state // Law and education [Pravo i obrazovanie]. 2016. N 6. P. 4–16. (In rus)
7. Kolesnikov V. N. The relevant agenda in modern Russia: formation factors // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2017. N 9. P. 8–17. (In rus)
8. Korotkova O. I. The strong power as the predetermining factor on the way of formation of the Russian constitutional state // Russian judge [Rossiiskii sud'ya]. 2009. N 6. P. 28–30. (In rus)
9. Levanchuk V. A. Assessment of impartiality, equality and orientation for the public good in various methods of measurement of quality of a deliberation // Bulletin of the Moscow University.

- Series 12. Political sciences [Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12. Politicheskie nauki]. 2016. N 1. P. 51–69. (In rus)
10. Lyubashits V.Ya., Razuvaev N.V. Evolution of the state: historical dynamics and theoretical model: monograph / V.Ya. Lyubashits, N.V. Razuvaev. M. : RIOR : INFRA-M, 2018. 532 p. (In rus)
  11. Miller A.I. Steady factors of weakness of the state during an era of globalization (paper) // Political science [Politicheskaya nauka]. 2011. N 2. P. 268. (In rus)
  12. Moral state. From the theory to Project / Sulakshin S.S., Bagdasaryan V.E., Vilisov M.V., Netesova M.S., Ponomareva E.G., Sazonova E.S., Spiridonova V.I. / under a general edition of S.S. Sulakshin. M. : Science and policy, 2015. 424 p. (In rus)
  13. Petrov K.E. Domination of conceptual polysemy: the strong state in the Russian political discourse // Political researches [Polis. Politicheskie issledovaniya]. 2006. N 3. P. 159–183. (In rus)
  14. Political atlas of the present: Experience of the multidimensional statistical analysis of political systems of the modern states. M. : MGIMO University, 2007. 272 p. (In rus)
  15. Ponkin I.V. Strong state // Law and state [Pravo i gosudarstvo]. 2018. N 1–2 (78–79). P. 55–56. (In rus)
  16. Popova O.V. The new directions of use of difficult methods in the analysis of political processes // Political science [Politicheskaya nauka]. 2015. N 2. P. 62–79. (In rus)
  17. Remington T.F. Russia and ideal of “strong state” // Constitutional law: East European review [Konstitutsionnoe pravo: vostochnoevropeskoe obozrenie]. 2000. N 2. P. 58–61. (In rus)
  18. Fukuyama F. Strong state: management and a world order in the 21st century M. : AST KEEPER, 2007. (In rus)
  19. Mann M. The Sources of Social Power: The Rise of Classes and Nation-States, 1760–1914. UK, Cambridge University Press, 1993. Vol. II. P. 59–61.
  20. Persistent state weakness in the global age / D. Kostovicova, V. Vojcic-Dzelilovic (eds.). Farnham: Ashgate, 2009. Излагается по переводу А. Миллера. Миллер А.И. Указ. соч. С. 268.
  21. Simon J. Law’s Violence, the Strong State, and the Crisis of Mass Imprisonment (for Stuart Hall) // Wake Forest Law Review. 2014. Vol. 49. P. 649–676.
  22. Sorensen G. Democracy, authoritarianism and state strength // The European Journal of Development Research. 1993. Vol. 5. P. 6–34.

About the author:

Leonid P. Belov, LLC “Gelios”, CEO, Graduate student of North-West Institute of Management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation); leomonolit@yandex.ru